

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2023-3-96-103>

Сущность религиозной правовой культуры сквозь призму особенностей иудейского, христианского и мусульманского правосознания

В. Г. Беспалько

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры философии, политологии, социологии им. Г. С. Арефьевой
Московского энергетического института.
Адрес: ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский университет «МЭИ»,
111250, Москва, ул. Красноказарменная, д. 14.
E-mail: viktor_bespalko@mail.ru

The Essence of Religious Legal Culture Through the Prism of the Peculiarities of Jewish, Christian and Muslim Legal Consciousness

V. G. Bepalko

Doctor in Law, Associate Professor,
Professor of the Department of Philosophy, Political Science, Sociology named after G. S. Arefieva
of Moscow Power Engineering Institute.
Address: National Research University «Moscow Power Engineering Institute»,
14 Krasnokazarmennaya Street, Moscow, 111250, Russian Federation.
E-mail: viktor_bespalko@mail.ru

Аннотация

Настоящая статья является своеобразным продолжением публикаций автора, посвященных проблематике соотношения права и религии, государства и церкви. В частности, в данной статье автор сквозь призму современных представлений теории права о понятии, видах и содержании правовой культуры исследует понятие религиозной правовой культуры, а также выделяет и рассматривает ее характерные признаки. Среди последних особое внимание уделяется синкретичности религиозных и правовых норм в едином механизме регулирования общественных отношений в условиях господства религиозного правосознания. Помимо этого, в статье показано значение религиозной правовой культуры и религиозного правосознания в историческом процессе развития социально-политического института права. При этом выделенные автором отличительные особенности религиозной правовой культуры проиллюстрированы соответствующими положениями как иудейского, так и мусульманского права в виде цитат из Священных Писаний – Пятикнижия Моисея (Торы) и Корана, а также их оценками и комментариями, содержащимися в научных трудах отечественных правоведов (теоретиков и историков права) и христианских богословов – библеистов. Отдельное внимание уделено автором особенностям религиозного правосознания и их проявлениям на уровнях интеллектуального, эмоционального и волевого компонентов.

Ключевые слова: религиозное правосознание, еврейское право, мусульманское право, право и религия.

Abstract

This article is a kind of continuation of the author's publications devoted to the problems of the relationship between law and religion, the state and the church. In particular, in this article, the author examines the concept of religious legal culture through the prism of modern ideas of the theory of law about the concept, types and content of legal culture, and also identifies and examines its characteristic features. Among the latter, special attention is paid to the syncretism of religious and legal norms in a single mechanism for regulating public relations under the domination of religious legal consciousness. In addition, the article shows the importance of religious legal culture and religious legal awareness in the historical process of development of the socio-political institution of law. At the same time, the distinctive features of religious legal culture highlighted by the author are illustrated by the relevant provisions of both Jewish and Muslim law in the form of quotations from the Holy Scriptures – the Pentateuch of Moses (Torah) and the Koran, as well as their assessments and comments contained in the scientific works of domestic jurists (theorists and historians of law) and Christian theologians –

biblical scholars. Special attention is paid by the author to the peculiarities of religious legal consciousness and their manifestations at the levels of intellectual, emotional and volitional components.

Keywords: religious legal awareness, jewish law, muslim law, law and religion.

Правовая культура человеческого социума является сложным продуктом его длительного исторического развития. Однако с древнейших времен, когда несколько тысяч лет назад на планете только появились первые государства и их законы, и по сей день, в XXI в., правовая культура была и остается частью огромного нематериального явления – духовной культуры человечества. Правовая культура представляет собой один из ее элементов, не менее и одновременно не более значимый по сравнению с иными. При этом она тесно связана с другими элементами сложной системы духовно-политической надстройки над экономическим базисом общества, если попытаться представить место духовной культуры вообще и правовой культуры в частности в жизни современного общества, пользуясь известной марксистской терминологией.

Главное отличие правовой культуры от других составляющих духовного или нематериального мира идей, образов, убеждений и т. п. состоит в том, что она отражает или выражает уровень развития права в обществе и его роль в жизни людей, представляет собой систему таких ценностей, которые, с одной стороны, были достигнуты людьми в области права и относятся именно к правовой реальности человеческого бытия, а с другой – выражают народные представления об идеальном общежитии людей.

Системный подход к исследованию правовой культуры предполагает необходимость изучения ее, во-первых, в качестве значимого самостоятельного явления в прошлом и настоящем человечества и, во-вторых, в качестве одного из элементов духовной культуры, тесно связанного с моралью, искусством, религией, наукой и иными проявлениями духовности. Несмотря на то, что право и другие перечисленные явления культуры серьезным образом отличаются друг от друга назначением, содержанием и механизмом воздействия на разные сферы человеческого бытия, они тем не менее образуют общественно необходимое культурное единство, вместе формируют духовное ядро того или иного народа, его культурную идентичность. Способность права и других элементов духовной культуры составлять такое ментальное единое целое предопределена

присущим им идеологическим единством в оценке различных жизненных благ, цельностью жизненных принципов, принятых обществом за основу построения взаимоотношений его членов, общностью идеалов, к достижению которых стремится социум и отражением которых духовная культура в целом и каждый ее элемент в отдельности собственно и являются.

Если же правовую культуру и другие элементы духовной культуры общества в исследовательских целях отделить друг от друга и заняться их сравнительным анализом, то нельзя не заметить, что более всего точек соприкосновения обнаруживается во взаимодействии именно права и религии. Правовые и религиозные нормы обнаруживают значительное сходство как по форме (письменная фиксация), так и по содержанию (общий предмет регулирования в части поведения людей в обществе). Не случайно, как известно из отечественной и зарубежной истории права, религия в течение тысячелетий выступала, а в некоторых государствах мира и по сей день продолжает выступать ведущим социальным источником права и общественного правосознания, и практически все правовые системы современности исторически восходят своими корнями к исходным догматам традиционных мировых конфессий – иудаизма, христианства, ислама и буддизма, имеющих миллиарды последователей во всем мире. Данный исторический факт позволяет говорить о существовании своеобразной религиозной правовой культуры и ее особенностях.

Термин «религиозная правовая культура» в современной учебной и научной литературе по вопросам теории и истории государства и права встречается крайне редко, а если и упоминается, то обычно без уточнения его содержания. При этом семантическое толкование данного выражения позволяет говорить о религиозной правовой культуре, как минимум, в двух смыслах или значениях:

1) широко (правовая культура общества, представления которого о праве, собственно право и различные аспекты правовой жизни сформировались под влиянием какого-либо религиозного учения);

2) узком (правовая и религиозная культура народа в процессе его исторического развития не отделились друг от друга и образуют традиционное единое явление духовной культуры – религиозно-правовую культуру).

Если рассматриваемый термин использовать в широком смысле, то, опираясь на накопленный сегодня богатый багаж знаний историко-правовых наук, можно смело утверждать, что правовая культура большинства народов и даже целых цивилизаций может считать религиозной в том смысле, что она в большей или меньшей степени в процессе своего зарождения и последующей эволюции органично и неизбежно испытывала на себе влияние религиозных догматов (например, правовая культура народов романо-германской правовой семьи, несущая в себе отпечаток христианской идеологии). Если же исходить из узкого смысла рассматриваемого выражения, то оно применимо только к правовой культуре отдельных народов, для которой характерна синкретичность религиозных и правовых норм в едином механизме регулирования общественных отношений. Историческими примерами проявлений такой своеобразной правовой культуры могут послужить религиозно-правовые системы Древнего Египта, Древнего Израиля, Древней Индии и др. В дореволюционной историко-правовой науке выделяли пять восточных разновидностей национально-теократического права – сабеизм, зендо-индийское, буддийское, еврейское и магометанское право [6. – С. 100]. Сегодня яркой иллюстрацией того, что представляет собой религиозно-правовая культура и чем она отличается от других видов правовой культуры, служит самобытная правовая действительность в государствах мусульманской правовой семьи. На основании изложенного можно сделать вывод, что говорить о религиозной правовой культуре как об особом, самостоятельном предмете исследования в юридической науке имеет смысл лишь тогда, когда данным понятием обозначается правовая культура, опирающаяся на религиозное общественное правосознание как продукт религиозного мировоззрения.

Таким образом, **религиозная правовая культура** представляет собой особый вид правовой культуры, характеризующийся таким уровнем развития права и его ролью в жизни общества, при котором право имеет значение религиозной святыни, а религия является важнейшим объектом правовой охраны, а также единством

системы ценностей, отразившихся в праве и религии, предопределившим синкретичность религиозных и правовых норм.

В отечественном правоведении при характеристике особенностей той или иной правовой культуры принято руководствоваться представлениями как минимум о трех элементах, каждый из которых является своеобразным индикатором качественного состояния данной культуры:

1) уровень развития и особенности законодательной техники и нормативных правовых актов, т. е. специфика и качество процесса и результатов нормотворчества;

2) уровень правоприменительной деятельности и юридической практики, включая особенности организации исполнительной и судебной власти, их соотношение и взаимодействие, что неизбежно отражается на результатах реализации права в практической жизнедеятельности общества и его членов;

3) уровень развития и особенности общественного правосознания и правовой активности населения.

На уровне развития законодательной техники и особенностей правовых актов религиозная правовая культура проявляется в обозначенной синкретичности религиозных и правовых норм, когда священные книги (например, Тора – в правовой культуре Древнего Израиля, Коран – в правовой культуре государств мусульманской правовой семьи) не только являются выразителями религиозных догматов и правил исповедания веры, но и выступают в роли основного источника права, идеологического фундамента правовой доктрины. Неслучайно слово «Тора» (ивр. תּוֹרָה), название самой важной из священных книг иудаизма, буквально переводится на русский язык как «Закон» или «Учение», а один из переводов с арабского языка слова «Коран» (араб. الْقُرْآن), обозначающего священную книгу мусульман, – «Назидание». Характерное для религиозной правовой культуры единство правовых и религиозных норм безусловно является результатом господства религиозного мировоззрения, главными постулатами которого в области природы (происхождения и сущности) права являются:

– в части представлений о нормотворческом процессе – идея богоустановленности права и производности земного законодательства от божественного. Например, согласно религиозно-правовой традиции Древнего Египта, Осирис спустился с неба и стал первым царем этой страны,

и именно он научил людей законам и другим правилам жизни. Согласно религиозно-правовому учению иудаизма, Бог на священной горе Синай неведомым чудесным образом сотворил две каменные доски – скрижали с всемирно известными Десятью заповедями – и вручил их пророку Моисею для руководства общественной жизнью Израиля. Впоследствии они стали главным материальным объектом религиозного поклонения в иудаизме, священной реликвией Иерусалимского храма. Как заметил российский специалист в области сравнительного правоведения В. И. Лафитский, «и не было в Храме других святынь», кроме как скрижалей и свитка закона, и никогда «такого поклонения праву история больше не знала» [8. – С. 10]. И так практически в любом религиозном учении можно обнаружить догмат о священной и сверхъестественной природе права, его производности от божественной воли, ибо, как учит священный Коран, «дела (или решения) целиком принадлежат Аллаху» (3:154) и «решение принимает только Аллах» (12:40). Данная идея была положена в основу теократической теории происхождения права, у которой в течение многих столетий не было какой-либо иной альтернативной картины генезиса права. Соответственно, все последующее земное нормотворчество рассматривается в богословии как развитие божественной воли в законах богоизбранных пророков (например, законодательство пророка Моисея, учение пророка Мухаммеда и др.), их преемников и последователей, включая богоугодных правителей, а также в постановлениях различных церковных институтов и т. д.;

– в области оценки результатов нормотворчества – идея совершенства божественного законодательства, его незыблемости, юридическо-го верховенства и качественного превосходства над всякими иными социальными нормами, в том числе исходящими от государственной власти. Данный аспект религиозно-правовой культуры является следствием проецирования на законодательство свойств Бога как наивысшего Законодателя, включая а) божественные вездесущность и всеведение и связанную с ними истинность, б) всеправедность и связанную с ней справедливость, в) всеблагость и связанную с ней милость, а также г) абсолютное всесовершенство, д) вневременное бытие и др. В священной литературе буквальное выражение этой мысли производится иными словами. Например, пророк Моисей, обращаясь к еврейскому народу, следующим обра-

зом прославил имя Бога: «Он твердыня; совершенны дела Его, и все пути Его праведны; Бог верен, и нет неправды в Нем; Он праведен и истинен» (Втор. 32:4) [4]. Соответственно, неизменность, правильность, справедливость, истинность – это и свойства всякого божественного законоустановления. В религиозно-правовой доктрине ислама идея превосходства (во всех смыслах этого слова) божественного права над всяким иным нашла отражение в пятой суре Корана: «Неужели они ищут суда невежества? Чьи решения могут быть лучше решений Аллаха для людей убежденных?» (5:50). Считается, что в процитированных вопросах из священной книги мусульман любые правила, противоречащие законам Аллаха и Его посланника, пророка Мухаммеда, объявлены законами невежества, тогда как законы Аллаха зиждутся на свете и знаниях, справедливости и беспристрастности, а также верном руководстве.

С точки зрения уровня развития и особенностей правоприменения или юридической практики, религиозная правовая культура также отличается определенным качественным своеобразием, которое наиболее ярко проявляет себя в двух плоскостях – во-первых, в области механизма реализации права и, во-вторых, в сфере организационно-политического обеспечения его действия, а именно:

– в области механизма реализации права, с одной стороны, во всех религиозно-правовых системах наблюдается свойство, характерное для права вообще, – обеспеченность государственным или иным публичным принуждением, применяемым при необходимости для реального претворения предписаний юридических норм в жизнь. Вместе с тем, с другой стороны, правоприменительная практика в условиях религиозной правовой культуры опирается не только и не столько на публичное принуждение, а зачастую вообще не прибегает к возможностям последнего в силу показанной выше сакрализации права. Религиозному освящению через свойства богоустановленности и богоугодности в религиозных правовых системах подверглись даже весьма далекие от нравственных увещаний институты преступления и наказания, что позволило затем использовать уголовно-правовое принуждение для утверждения общеобязательности религиозных канонов и догматов путем криминализации не только соответствующих деяний (действий или бездействия), но и мыслей, чувств, убежде-

ний [2. – С. 501–512]. Сакрализация юридических норм дополнила их эффективным религиозно-нравственным обоснованием, а механизм их реализации – религиозными санкциями в виде всевозможных сакральных проклятий и угроз божественного воздаяния в настоящей и посмертной жизни. Такое усиление механизма воздействия правовых норм на общественное сознание и поведение предоставляет им возможность обеспечить свою неизменность и действенность, опираясь не только на механизм юридической ответственности, но и на силу и глубину религиозной веры, внутреннюю убежденность субъектов правоотношений поступать требуемым образом, чувственное принятие юридических предписаний и запретов, интуитивное поклонение праву как слову Бога. Например, пророк Моисей назидательно требует от своего народа: *«Итак люби Господа, Бога твоего, и соблюдай, что повелено Им соблюдать, и постановления Его, и законы Его, и заповеди Его во все дни»* (Втор. 11:1). И как уверяет российский правовед Г. В. Мальцев, «никакие позднейшие опыты, и в особенности попытки средствами государственной идеологии установить так называемый культ закона, не могут сравниться с библейской апологией закона, которая есть выражение величия Бога» [9. – С. 237]. Показанная особенность религиозно-правовой культуры, проявляющая себя в области реализации юридических норм, позволила праву в древние времена быстро и уверенно утвердиться как новому явлению общественной культуры, а в настоящее время в государствах исламского мира создает условия для так называемой процессуальной экономики в применении мер юридической ответственности и иных мер государственного принуждения, с успехом подменяемых угрозами применения религиозных санкций Всевышним Судьей, ибо *«Воистину, Аллах – Знающий, Ведающий»* (4:35), *«Воистину, Аллах – Слышащий, Видящий»* (4:58), а потому *«Бойтесь Аллаха и знайте, что Аллах – богобоязненными»* (2:194);

– в области организационно-политического обеспечения практической реализации предписаний юридических норм религиозно-правовая культура характеризуется сращиванием церковных и государственных институтов, смешением их функций, т. е. наличием таких атрибутов организации политической власти в обществе, которые сегодня являются не просто чуждыми, а категорически недопустимыми для светской право-

вой культуры. Например, в Торе содержатся многочисленные свидетельства того, что левиты были не только священниками и храмовыми служителями, но и хранителями и учителями законов – *«Ибо они, левиты, слова Твои хранят, и завет Твой соблюдают, учат законам Твоим Иакова и заповедям Твоим Израиля, возлагают курение пред лицо Твое и всесожжения на жертвенник Твой»* (Втор. 33:9–10). Специалисты по истории права Древнего Израиля уверяют, что священники в Древнем Израиле выполняли не только административные и судебные функции, но и нередко были военачальниками [1. – С. 65]. Из истории других государств Древнего Востока известно, что, например, в Древнем Египте жрецы наряду с основными богослужебными функциями осуществляли судебные полномочия, регистрировали сделки и т. д., в Древней Индии брахманы, составлявшие высшую священническую варну, занимались поучением и толкованием законов, участвовали в судебных разбирательствах, давали советы по управлению государством царю и т. д. Таким образом, другой особенностью правоприменения в условиях религиозной правовой культуры является отсутствие обязательного разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную, без чего немислима сегодня правовая культура государств англосаксонской и романо-германской правовых семей. Такой подход к организационно-политическому обеспечению реализации норм права, наблюдаемый в религиозно-правовых системах, органично вытекает из неделимости божественной власти, проецируемой на земную власть, ибо, как утверждает еврейский пророк Исаия, *«Господь – судия наш, Господь – законодатель наш, Господь – царь наш; Он спасет нас»* (Ис. 33:22). Наиболее показательна в этом смысле роль религиозных судов в условиях господства светской и религиозной правовой культур соответственно. Деятельность религиозных или церковных судов не запрещена в светских государствах, но их компетенция ограничена разрешением споров между членами религиозного объединения по вопросам его функционирования (как своего рода вариант применения корпоративных норм). Подобные ограничения в области правоприменения никак не связывают религиозные суды в государствах со сложившейся религиозной правовой культурой. Например, в государствах мусульманской правовой семьи религиозные суды получили название «суды шариата».

В отдельных странах мира, население которых исповедует ислам (например, Алжир, Египет, Марокко и др.) шариат регулирует только вопросы семейного права, но во многих мусульманских странах (например, Афганистан, Иран, Саудовская Аравия и др.) компетенция судов шариата распространяется практически на все сферы жизни общества, поскольку сам шариат представляет собой сложную совокупность как морально-этических и религиозных, так и собственно правовых норм ислама, распространяющихся на большую часть жизни мусульманина.

Что касается религиозного общественного правосознания – третьего элемента религиозной правовой культуры, оно выступает в роли психологического основания данного вида правовой культуры, с одной стороны, и отдельной характеристикой ее своеобразия, с другой стороны. В научной юридической литературе **религиозное правосознание** определяется как «взгляды, доктрины, чувства, настроения индивидов, социальных общностей по поводу права и законности, формирующиеся под влиянием религиозного мировоззрения и выполняющие посредством этого роль социального источника права и самостоятельного регулятора (саморегулятора) их поведения в юридически значимых ситуациях» [5. – С. 7]. Поскольку правосознание может быть индивидуальным, групповым, массовым и общественным, постольку следует оговориться, что психологическим фундаментом религиозной правовой культуры как явления духовной культуры какого-либо народа может быть соответствующее по своему качественному состоянию правосознание как минимум большинства населения государства, т. е. религиозные начала должны быть определяющим фактором содержания именно общественного правосознания.

При этом нельзя недооценивать значения индивидуального и коллективного религиозного правосознания даже в условиях преобладающей сегодня в мире светской правовой культуры. Например, в ходе социологического исследования о влиянии религиозных норм на правосознание современного человека, проведенного в 2013–2015 гг. в Российской Федерации, которая, согласно ст. 14 Конституции, является светским государством, было установлено, что 79% респондентов придерживаются в своей жизни религиозных убеждений в той или иной мере, лишь 32% никак не связывают свое поведение с религиозными нормами и только 40% однозначно от-

дают предпочтение юридическим нормам в случае возникновения коллизии между нормами права и религии [3. – С. 491–492].

Особенности религиозного правосознания проявляют себя во всех трех его взаимосвязанных компонентах – интеллектуальном, эмоциональном и волевом, а именно:

– интеллектуальный компонент религиозного правосознания характеризуется высоким уровнем знаний в области существующих социальных норм, что объясняется нераздельностью религиозного и правового воспитания, начинающегося с самого раннего детства в семье и продолжающегося в течение всей жизни верующего человека во взаимоотношениях со всеми социальными институтами, поскольку все они в большей или меньшей степени связаны с различными аспектами исповедания веры или иными проявлениями господствующей в обществе религии. Таким образом, в условиях религиозной правовой культуры знание религиозных канонов является необходимым условием, с одной стороны, и залогом, с другой стороны, юридической грамотности населения в силу характерного для религиозно-правовых систем верховенства догматов веры над остальными правилами жизни, выводимыми из этих догматов. Соответственно, изучение божественных законов объявляется всеобщей юридической обязанностью, а их незнание фактически приравнивается к преступлению, ибо *«Проклят, кто не исполнит слов закона сего и не будет поступать по ним!»* (Втор. 27:26). Пророк Моисей требовал от Израиля, чтобы религиозные и правовые нормы буквально заполнили сферу повседневного быта, чтобы даже сугубо утилитарные вещи служили носителями, хранителями и глашатаями закона: *«Да будут слова сии, которые Я заповедую тебе сегодня, в сердце твоём... И навяжи их в знак на руку твою, и да будут они повязкою над глазами твоими, и напиши их на косяках дома твоего и на воротах твоих»* (Втор. 6:6–9), а левитам вменил в обязанность обучение населения законам: *«Собери народ, мужей и жен, и детей, и пришельцев твоих, которые будут в жилищах твоих, чтоб они слушали и учились, и чтобы боялись Господа, Бога вашего, и старались исполнять все слова закона сего»* (Втор. 31:12). Данные установления Торы обеспечивали доступность основ древнееврейского законодательства для массового изучения и осознания, сохранность и действенность его норм за счет

создания и распространения среди населения множества их списков. Таким образом, наличие зависимости между знанием или незнанием законодательства, с одной стороны, и правомерностью либо неправомерностью поведения, с другой стороны, не является открытием современной теории права. Эта теоретико-правовая аксиома с древнейших времен была известна религиозно-правовым системам, убедительным свидетельством чего являются, например, следующие фрагменты отдельных сур Корана: «*Беззаконники потакают своим желанием без всякого знания*» (30:29); «*Беззаконники находятся в очевидном заблуждении*» (31:11); «*Воистину, беззаконники находятся в полном разладе с истиной*» (22:53) и др.;

– эмоциональный компонент религиозного правосознания опирается на два религиозных чувства, которые кажутся непосвященному человеку взаимоисключающими, – любовь к Богу и страх Божий, ибо «*благочестив тот, кто богобоязнен*» (2:189). Психологические основания искренней и убежденной веры определяют и соответствующее внутреннее отношение к теократическому праву, выражающееся в его почитании, «*а неверующие являются беззаконниками*» (2:254). Как писал один из основоположников психологической теории происхождения права Л. И. Петражицкий об иудаизме, «эта религия зиждется на правовой психике и пропитана этой психикой везде и всюду» [10. – С. 129–130]. В Торе многократно и настойчиво утверждается религиозно-правовая идея о том, что любовь к Богу проявляется, демонстрируется, доказывается соблюдением и практическим претворением в повседневной жизни божественных законов. Поэтому закон, воспринимаемый и трактуемый через такую любовь, должен быть записан на сердце и в душе каждого человека: «*Итак люби Господа, Бога твоего, и соблюдай, что повелено Им соблюдать, и постановления Его, и законы Его, и заповеди Его во все дни*» (Втор. 10:1); «*В день сей Господь, Бог твой, завещавает тебе исполнять постановления сии и законы: соблюдай и исполняй их от всего сердца твоего и от всей души твоей*» (Втор. 10:16). При этом и пророк Моисей, и пророк Мухаммед – основатели двух наиболее известных и авторитетных религиозно-правовых систем – назидательно и последовательно требуют от своих единоверцев: «*Господу, Богу вашему, последуйте и Его бойтесь; заповеди Его соблюдайте*» (Втор. 10:13);

«*Бойтесь Аллаха, ведь Аллах суров в наказании*» и «*Аллаху известно о том, что в груди*», «*о том, что вы совершаете*» (5:2, 7, 8);

– волевой компонент религиозного правосознания, по сути, представляет собой сумму действий интеллектуального отражения и эмоционального восприятия теократического права, показанных выше, на поведение участников различных правоотношений. Этот третий элемент правосознания характеризует направленность воли его носителей и проявляется в их осознано-волевых поступках, имеющих юридическое значение, т. е. в сознательном подчинении или неподчинении своего образа жизни предписаниям религиозно-правовых норм. Считается, что в обществе, идеологическим стержнем духовной жизни которого является религиозное мировоззрение, должно наблюдаться массовое, если не всеобщее, добровольное исполнение предписаний юридических норм, поскольку сообщество верующих богобоязненных и законопослушных граждан хорошо просвещено в вопросах содержания божественных законов и основанных на них иных обязательных правил поведения, почитает эти нормы как проявления воли Бога и потому с религиозным поклонением следует высшей воле, само стремится подчинить ей свою волю. И великие пророки требуют именно такого поведения от своих последователей: «*Смотрите, поступайте так, как повелел вам Господь, Бог ваш; не уклоняйтесь ни направо, ни налево*» (Втор. 5:32); «*Таковы ограничения Аллаха, не преступайте же их. А те, которые преступают ограничения Аллаха, являются беззаконниками*» (2:229). Однако если бы все действительно обстояло так благополучно с состоянием законности и правопорядка в обществах с религиозной правовой культурой, тогда не существовало бы, наверное, Моисеева уголовного законодательства или мусульманского уголовного права и т. п. Прошлое и настоящее религиозно-правовых систем показывает, что ни одна из них не смогла построить рай на земле и избавиться хотя бы от преступности, несмотря на всю силу религиозно-нравственных начал общественного бытия. Возможно, действительно, как сказал русский религиозный философ В. С. Соловьев, «задача права вовсе не в том, чтобы лежащий во зле мир обратился в Царство Божие, а только в том, чтобы он – до времени не превратился в ад» [11. – С. 530].

Таким образом, религиозная правовая культура в области правовой идеологии и нормотвор-

чества опирается на догмат о божественном происхождении права и выводимую из него идею производности государственных законов от законов божественных, в области правоприменения – на единство политических и церковных общественных институтов, солидарно обеспечиваю-

щих реализацию права, в области правосознания – на религиозные чувства граждан, подчиняющие их волю и поведение божественной воле, выраженной в правовых и иных социальных нормах.

Список литературы

1. *Баренбойм П.* Первая Конституция Мира. Библейские корни независимости суда. – М. : Белые альвы, 1997.
2. *Беспалько В. Г.* Ветхозаветные корни уголовного права в Пятикнижии Моисея. – СПб. : Юридический центр, 2015.
3. *Беспалько В. Г.* Учение о преступлении и наказании в Пятикнижии Моисея : дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2017.
4. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М. : Российское Библейское общество, 2008.
5. *Дружкина Ю. А.* Религиозное правосознание : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2007.
6. *Капустин М. Н.* История права. – Ч. I. – Ярославль : Тип. Губ. зем. управы, 1872.
7. Коран. Перевод смыслов / пер. Э. Р. Кулиева. – М. : Изд. дом «Умма», 2007.
8. *Лафитский В. И.* Воскресение права. Часть третья. Книги завета. – М. : Изд. Тихомирова М. Ю., 2009.
9. *Мальцев Г. В.* Культурные традиции права. – М. : Норма, Инфра-М, 2013.
10. *Петражицкий Л. I.* Теория права и государства въ связи съ теорией нравственности. – Т. 1. – СПб. : Тип. т-ва «Екатерингофское печатное дело», 1909.
11. *Соловьев В. С.* Оправдание добра. М. : Институт русской цивилизации ; Алгоритм, 2012.